

ЖЕНСКОЕ

ДЪЛО

№ 13. 1 июля.

Выходит два раза
въ мѣсяць.

Главная контора и редакция:
Москва, Б. Дмитровка, д. 26. Тел. № 4-46-51.

Годъ изданія V.

Памяти А. П. Чехова.

(Къ 10-лѣтію его кончины).

Мнѣ довелось видѣть Чехова, но по робости и дикости своей натуры я не рѣшилась заговорить съ нимъ, хотя мнѣ страстно этого хотѣлось.

Видѣла я его въ 1900 г., 19 апрѣля, на пароходѣ «Вел. кн. Алексѣй», по пути изъ Севастополя въ Ялту.

Я ѣхала вдвоемъ съ молоденькой англичанкой, только что впервые прѣѣхавшей въ Россію. Былъ чудный день. Залитыя солнцемъ желтыя скалы, ярко синее море. Весенній теплый воздухъ обвѣвалъ насъ, и мы съ моей юной спутницей, подъ шумъ колесъ ровно двигающагося впередъ парохода, вполголоса обмѣнивались восторженными впечатлѣніями.

Въ это время мой взглядъ случайно упалъ на господина, сидѣвшаго неподалеку отъ насъ. Это былъ брюнетъ, съ красиво очерченнымъ профилемъ, съ слегка пробивающейся сѣдиной въ волосахъ. Онъ былъ одѣтъ въ свободно на немъ сидящій смокингъ, съ сѣренькой дорожной фуражкой на головѣ. Заложивъ ногу на ногу, съ черной тростью въ рукѣ, верхнимъ концомъ которой онъ касался своихъ сжатыхъ губъ, онъ глядѣлъ, слегка прищурившись, въ морскую даль. Что-то родное, знакомое почудилось мнѣ въ этомъ обликѣ. «Да это Чеховъ!»—пронеслось у меня въ головѣ. Но Чеховъ не улыбающійся добродушно-простоватой улыбкой, какимъ обыкновенно изображаютъ его на портретахъ, а Чеховъ задумчивый, серьезный, грустный. Я долго не сводила съ него своихъ восхищенныхъ глазъ, шепча между тѣмъ своей спутницѣ: «Глядите, глядите, это нашъ самый лучший, самый любимый писатель!»

Вскорѣ къ Чехову подошелъ господинъ высокаго роста, блондинъ, съ довольно длинными волосами, большимъ выпуклымъ лбомъ, съ одними усами безъ бороды, на видъ моложе Чехова, и они вдвоемъ стали ходить по палубѣ. Когда Чеховъ, высокій и стройный, проходилъ близко отъ насъ, я прочла на трости, которую онъ держалъ въ рукахъ, выложенную мелкими серебряными буквами его монограмму. Спутникъ Чехова болѣе его не покидалъ и относился къ нему съ дружеской почтительностью.

Даже сѣсть поближе къ Чехову я не счумѣла, когда мы всѣ спустились внизъ обѣдать, а потому лишена была возможности слышать хотя отрывки его разговора. За столомъ меня все время занимала мысль: неужели никто изъ присутствующихъ не подозрѣваетъ, кто сидитъ между нами?—По моимъ наблюдениямъ, только одинъ студентъ украдкой вскидывалъ на Чехова скромный, но пылливый взоръ, остальные оставались въ невѣдѣніи, а мнѣ такъ и хотѣлось во всеуслышаніе сказать: «господа, А. П. Чеховъ между нами; выпьемъ за его здоровье!»—но проклятая робость сковывала уста.

Когда мы пристали къ ялтинскому молу и сошли на берегъ, я потеряла Чехова изъ виду, и кромѣ своихъ родныхъ увидѣла въ толпѣ встрѣчающихъ извѣстную въ то время въ Москвѣ женщину-врача Е. П. В., близкую сосѣдку Чехова по его дачѣ въ Алупкѣ. Я поспѣшила передать ей о той радости, какая выпала мнѣ на долю, и о томъ, какъ я не счумѣла использовать эту давно желанную встрѣчу.—Скажите Чехову, какъ мы, женщины, преклоняемся передъ его талантомъ, какъ мы ему признательны за его сочувственное отношеніе къ намъ,—убѣждала я ее.—Ахъ, онъ ужъ столько разъ все это слышалъ,—замѣтила Е. П., но все же обѣщала передать ему мои слова. Мнѣ такъ и не пришлось узнать, исполнила ли она свое обѣщаніе.

Кажется, все это было недавно, а вотъ уже десять лѣтъ исполняется съ тѣхъ поръ, какъ смерть без-

жалостно отняла у насъ этого лучшаго, любимѣйшаго писателя. Въ своихъ разсказахъ Чеховъ отозвался, кажется, на всѣ самыя интимныя человѣческія чувства, освѣтилъ самыя скрытыя отъ анализа уголки человѣческой души, и благодаря своему великому таланту, сдѣлалъ намъ близкими и понятными безконечно разнообразныя типы и характеры.

Я не рѣшусь, конечно, вдаваться не только въ критику, но даже въ характеристику произведеній Чехова,—до сихъ поръ эта задача оказалась не по силамъ даже присяжнымъ критикамъ,—укажу только на одну сторону его таланта. Мало, кажется, до сихъ поръ удѣляли вниманія Чехову, какъ художнику живописующему природу, а между тѣмъ нѣкоторые отрывки изъ его произведеній достигаютъ такой высоты лирической поэзіи, что смѣло могутъ быть поставлены наряду съ Тургеневскими «стихотвореніями въ прозѣ».

Не могу отказать себѣ въ желаніи привести хотя одинъ отрывокъ изъ «Острова Сахалина»:

«Море на видъ холодное, мутное, реветъ, и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ въ желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ ты насъ создалъ?.. Это уже Великій или Тихій океанъ. На этомъ берегу Найбуци слышно, какъ на постройкѣ стучатъ топорами каторжане, а на томъ берегу, далеко, воображаемъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы... а кругомъ ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь режутъ волны, кто ихъ слушаетъ здѣсь по ночамъ, и наконецъ, для кого онъ будутъ реветъ, когда я уйду. Тутъ, на берегу, овладѣваютъ не мысли, а именно думы; жутко и въ тоже время хочется безъ конца стоять, смотрѣть на однообразное движеніе волнъ и слушать ихъ грозный ревъ...»

Нѣкоторые, даже общепризнанные литературные авторитеты высказывали мнѣніе, что Чеховъ не любитъ женщинъ и въ своихъ произведеніяхъ дурно къ нимъ относится. Но правильность такого утверждения, рѣшительно ничѣмъ подкрѣпить нельзя. Не проникнуты ли, наоборотъ, всѣ разсказы Чехова, гдѣ дѣло идетъ о женщинѣ, самой искренней, если можно такъ выразиться, братской къ ней жалостью? А развѣ можно жалѣть того, кого не любишь? Если Чеховъ и посмѣивается подчасъ надъ женскими слабостями, то смѣхъ этотъ пронизываютъ слезы искренняго участія и состраданія. Каждому сдѣланному женщиной ложному шагу, онъ спѣшитъ найти оправданіе, какъ бы добиваясь для нея снисхожденія у читателя. Мужской деспотизмъ, мужское самодурство по отношенію къ женщинамъ изображены, напротивъ, безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Правда, онъ не идеализируетъ женщины, но онъ далеко и отъ того, чтобы идеализировать мужчину. Только какъ человѣкъ, стоящій выше обыкновеннаго уровня, слѣдовательно умѣющій обобщать, заглядывать вглубь вещей, Чеховъ склоненъ многое извинить женщинамъ, въ виду безправнаго положенія, въ которомъ она и посейчасъ находится. Какъ на примѣръ дурного отношенія къ женщинамъ, указывали на разсказъ «Вѣдьма».

Въ разсказѣ этомъ, какъ извѣстно, изображена чувственная молодая женщина, пользующаяся, какъ говорилось, всякимъ случаемъ, чтобы измѣнить законному мужу. Но какъ же нарисованъ Чеховымъ этотъ законный мужъ, припомните только, и у васъ не хватитъ духу бросить камень въ грѣшницу. А если припомнить разсказы «Мужъ», «Жена», «Хористка», «Дуэль», «Мужики», «Бабы» и т. д., гдѣ женщина изображена униженной, забитой, но все же проявляющей душу живую, безкорыстную любовь, великодушіе, то право, поклонъ возведенный на покойнаго писателя окажется совершенно необоснованнымъ.

Но мы идемъ дальше, мы смѣло утверждаемъ, что если въ разсказахъ Чехова и встрѣчаются положительныя типы, то это главнымъ образомъ, въ средѣ описы-

А. П. Чеховъ.

ваемыхъ имъ женщинъ. Напомнимъ граціозный образъ Нелли въ разсказѣ «Зеркало», смиренную Ольгу въ «Мужикахъ», кроткую любящую Клеопатру въ «Моей жизни».

А потому, да не будетъ омрачено наше свѣтлое, благодарное воспоминаніе о справедливомъ писателѣ. Мы, женщины, должны гордиться такимъ печальникомъ и защитникомъ. Мало ихъ у насъ на Руси; тѣмъ болѣе намъ дорога его память!

Марія Бландова.